

УДК 94 (481), 94(47).027

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ:
ОТ УСТНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ К ПИСЬМЕННОЙ**

© 2014 г.

Е.А. Мельникова

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва

melnikova_2002@mail.ru

Поступила в редакцию 03.06.2014

Историческая память является ключевым феноменом, определявшим особенности формирования и бытования устной исторической традиции в дописьменных обществах. Переход к письменной культуре, в рамках которой создаются первые раннеисторические описания, сопровождается радикальным переосмыслением и трансформацией устной традиции. Выявление механизмов ее переработки в письменный историографический текст представляется насущно важным для реконструкции истории европейских народов дописьменного времени, в том числе Древней Руси.

Ключевые слова: историческая память, устная традиция, письменный текст, раннее историописание.

Отражение прошлого в различных культурах и в разнообразных вербальных и материальных формах принадлежит к числу тех проблем, на которые каждое новое поколение историков пытается дать свой ответ. По мере осознания невозможности воссоздать «объективную» историю из-за пропасти, лежащей между источником и исследователем, естественным стало стремление как можно глубже понять специфику восприятия человеком своего прошлого и механизмы его репрезентации в разных культурах. Одним из феноменов, теснейшим образом связанных с передачей исторической информации и позволяющих осветить по крайней мере некоторые стороны осознания, сохранения и отображения прошлого, является историческая память (см. обзоры проблемы: [1, 2, 3]).

В европейских культурах средневековья дописьменного времени историческая память сохранялась в устной форме и подвергалась письменной фиксации сначала в позднеантичной литературе (например, у Тацита), а после распространения письменности и только в редких случаях в исконном или почти исконном виде, как, например, генеалогии правящих родов некоторых германских племен (ост- и вестготов, лангобардов и др.), героико-эпические поэмы (англо-саксонские «Видсид», «Беовульф», скандинавские «песни о героях» в «Старшей Эдде» и др.). В большинстве же случаев устная историческая традиция нашла отражение в памятниках историописания.

Между тем начальные этапы всех европейских национальных историографий неразрывно связаны с использованием устной исторической традиции: только в ней сохранялась память о дописьменном прошлом [4]. Однако синкре-

тизм, полифункциональность и своеобразие восприятия и отражения действительности в устной традиции делали невозможным ее прямое включение в историографический контекст. Перед хронистами возникала необходимость осмыслить устную историю своего народа в контексте письменной мировой истории, адаптировать ее к качественно новому пониманию истории и приспособить ее к конкретным задачам своего труда.

Историческая память хранила прежде всего социально значимые события. Поскольку наибольшее влияние на общественную жизнь в различных ее проявлениях оказывали племенные вожди, затем правители и представители высшей знати, то именно их судьбы становились предметом меморизации. Не случайно в раннеисторических описаниях исключительное внимание уделяется смерти вождя (правителя), и посвященные этому событию сюжеты составляют значительную часть нарратива. Например, как в норвежской генеалогической поэме IX в. «Перечень Инглингов», так и в восходящей к ней исландской «Саге об Инглингах», первой в своде королевских саг «Круг земной» Снорри Стурлусона (1230-е гг. [5]), рассказывается по преимуществу об обстоятельствах смерти конунгов, нередко отражающих мифоритуальные представления и обряды [6, с. 76–78]. Гибель правителя в силу сакральности его фигуры рассматривалась как угроза благоденствию племени – и в сакральном, и во вполне реальном плане. Со смертью вождя, наделенного удачей и способностью обеспечивать богатство и благополучие племени (в том числе урожайные годы), коллектив оказывался незащищенным перед ударами судьбы в виде недородов, эпиде-

мий и пр. Одновременно гибель вождя, сила которого гарантировала безопасность социума от внешних нападений, создавала угрозу внешнего завоевания, ставя под вопрос само существование племени. В результате тема смерти вождя стала одним из главных объектов меморизации в устной традиции (генеалогических перечнях, героико-эпических поэмах) и в первых же письменных фиксациях исторической памяти у германских народов – рунических надписях на мемориальных стелах [7]. Другими важнейшими событиями, сохраняемыми исторической памятью, были переход власти от одного правителя к другому, военная победа или особо тяжелое поражение, захват военной добычи и т.п.

Тематическое содержание исторической памяти в значительной степени обуславливало ее структуру. Прошлое запечатлевалось в ней не как цепь последовательных и объединенных между собой причинно-следственными связями событий, а как набор отдельных сюжетов с замкнутым действием (ср. [8, с. 159–166]). Дискретность исторической памяти создавала предпосылки для контаминации сюжетов в процессе их устного бытования, насыщения их мотивами и эпизодами, заимствованными из других преданий. Ярким примером тому служит формирование цикла сказаний о нифлунгах, объединившего исторические повествования о гибели Бургундского королевства, о готско-гуннском противостоянии, о смерти Аттилы, мифологические сказания о Вёлунде и золотом кладе карлика Андвари.

Объединяющим и упорядочивающим дискретные «блоки» исторической памяти началом была генеалогия [9, 10]. Поскольку каждый из таких «блоков» был связан с деяниями определенных лиц, то преемственность поколений позволяла установить относительную последовательность событий прошлого. Генеалогическая хронология, непрерывная и линейная, была естественной и наиболее ранней формой исчисления времени, хронологической шкалой, вероятно, возникшей задолго до первых письменных свидетельств ее существования. В то же время генеалогическая перспектива, прежде всего возведение родов правителей к богам, легитимизировала и сакрализовала власть [11].

1. Временная глубина исторической памяти оценивается исследователями примерно в три поколения – около 100 лет (12; 13, с. 95). Однако, для германской устной традиции характерна несравненно большая длительность. Генеалогические цепочки с удивительной точностью сохранялись на протяжении нескольких (до четырех-пяти) столетий. Память о конкретных событиях времен Великого переселения народов во-

площалась в героико-эпических произведениях, создаваемых в VIII в. в Англии и в XII–XIII вв. в Скандинавии. Исландцы XII–XIII вв. прекрасно помнили не только имена первооселенцев (остров начал заселяться с 874 г.), но и их браки и родственные связи их потомков; каждый из исландцев твердо знал свою родословную во всех ее ответвлениях на протяжении 3–4 столетий [14, 15].

Наряду с генеалогиями и героическим эпосом, прямо ориентированными на воспроизведение исторической памяти, существовали и другие формы ее репрезентации: в различных по жанру памятниках словесности воспроизводились ее разные содержательные сегменты. Например, обобщающие бытовой опыт коллектива пословицы подчас восходили к припоминаниям исторических событий: таковы пословицы, приводимые древнерусским летописцем: «погибоша аки обре» или «беда аки в Родне»: [16, с. 10, 36]. Исторический прецедент составлял основу обычного права, которое поэтому отражало – пусть и в косвенной форме – воспоминания о прошлом.

Значение социальной функции исторической памяти было обусловлено ее первостепенной ролью в консолидации и самоидентификации коллектива (наряду с языком, верованиями, материальной культурой и др.) [17]. Представления о единстве происхождения общности (этно- и социогенетические легенды) и прошлого всех ее членов способствовали ее цельности и жизнеспособности [18, 19]. Общественная ценность исторической памяти в полной мере осознавалась самими ее носителями, что проявлялось прежде всего в высоком статусе знатоков традиции, но также и во введении мер для ее охраны: в Скандинавии с VII в. получают распространение заклинания, которые высекались на мемориальных стелах и должны были предотвратить разрушение памятника [7, с. 193–194].

2. Историческая память поддерживалась лишь в той ее части, которая была насущно необходима в настоящем [20]. Она актуализировала те моменты истории, права, миропонимания, которые были важны во время ее воспроизведения (см., например, [21]). И это обуславливало фрагментарность и избирательность исторической памяти, причем принципы отбора событий нередко неясны: незначительное – с точки зрения современного историка – происшествие (например, битва в Ронсевальском ущелье или поход князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г.) могли отложиться в исторической памяти, тогда как более «значительные» события не оставляли в ней ни малейшего следа (ср. [22]).

Сохранение исторической памяти предполагало также ее одобрение обществом, что делало ее хранилищем социальных и этических ценностей, предлагая поведенческие «стандарты», материализуемые в изображении конкретных персонажей или событий.

Если отмеченные особенности исторической памяти присущи ей как явлению коллективного сознания в целом, то другие ее свойства определяются культурным типом общества – ее носителя: бесписьменного или письменного.

3. Сопоставление и противопоставление устной и письменной культур выявило кардинальные различия в способах формирования, сохранения и воспроизведения исторической памяти, отличия в ее моделировании и функционировании в обществе [23, 24].

В бесписьменном обществе историческая память отличается рядом специфических особенностей. Во-первых, вся информация о прошлом меморизируется и сохраняется только в памяти носителя традиции. Поэтому объем знаний о прошлом и глубина исторической памяти в них ограничены (впрочем, см. выше). Во-вторых, передача устной традиции во многом зависела от используемых мнемонических средств, материальных (как например, индейские кипу) или языковых. Наиболее надежной являлась мнемотехника, основанная на ритмике языка: не случайно большая часть устной традиции – в том числе исторической – облечена в поэтическую форму, обладавшую специфическим «формульным» языком с ограниченным числом метрических, синтаксических и семантических моделей, которые соединяются в соответствии с особой грамматикой текста [25–27]. Система устных формул для описания определенных ситуаций позволяла сказителю воспроизводить (точнее – воссоздавать при каждом новом исполнении) традиционный текст с кажущейся точностью [28]. В-третьих, различие факта и вымысла, истории и мифа было значительно менее определено для человека дописьменной эпохи, потому что все знания о прошлом, достоверные и вымышленные в равной степени, он получал от своих современников одним и тем же, устным путем и почти не имел средств для верификации сообщенных ему сведений. В-четвертых, факт прошлого, зафиксированный в памяти, всегда находится под жестким давлением потребностей настоящего: носитель устной традиции воспроизводил его для своих современников только тогда, когда в этом возникала необходимость. Память автоматически видоизменяет запомненное, адаптируя его к условиям того момента, когда оно воспроизводится, или устраняет его, если оно более не

нужно [29, с. 23–46]. Устойчивость устной традиции в подавляющем большинстве случаев, поэтому, лишь кажущаяся, поскольку скольконибудь длительное ее сохранение в неизменном виде сделало бы ее непонятной как для слушателей, так и для самого сказителя. Не случайно поэтический язык исландских скальдов уже в начале XIII в. нуждался в разъяснениях [30]. Медленность и неочевидность, с которой происходят изменения, равно как и отсутствие возможности верифицировать сообщение, создают впечатление стабильности устной традиции. Последние два обстоятельства – отсутствие противопоставления правды и вымысла и кажущаяся, но в действительности не существующая устойчивость исторической памяти и ее отражения в устной традиции – особенно важны для реконструкции дописьменного периода истории европейских народов, в том числе и истории Древней Руси, прежде всего IX–X вв., сведения о которой за редким исключением дошли до летописца устным путем.

Наконец, главным условием существования исторической памяти в бесписьменных обществах было ее постоянное воспроизведение – в ходе ритуальных действий, на собраниях членов социума, на пирах и др. Только в процессе исполнения знания о прошлом актуализировались и становились достоянием всех членов общества [26, 27].

Дописьменные исторические традиции европейских народов за редким исключением дошли до нас, как уже говорилось, в составе текстов, возникших в эпоху если не господства, то во всяком случае широкого распространения письменной культуры [31]. Однако в новых условиях далеко не весь объем существовавшей к моменту записи устной истории был необходим. Поэтому происходил жесткий отбор событий и персонажей, повествования о которых получали отражение в письменных текстах.

Еще более существенным было переосмысление устного наследия [32]. К большинству народов средневековой Европы письменность приходила вместе с христианской культурой, которая располагала собственной историей и историософией. Циклическому времени язычества оно противопоставляло линейный временной ряд от Сотворения мира до Страшного суда. Бесконечному времени, возобновляющемуся в каждом новом цикле, – абсолютную конечность мира. Прошлому как последовательности событий, подчас не связанных причинно-следственными связями, – историю поступательного развития человечества от его возникновения к концу мира. Истории одного социума – историю человечества, в которой этнокультур-

ные различия уступали место конфессиональному единству.

Использование исторической памяти до письменной эпохи в письменную, таким образом, требовало ее радикального переосмысления. Поскольку, однако, в нашем распоряжении находятся только письменные памятники, лишь в исключительных случаях удастся более или менее последовательно проследить весь путь от устного рассказа до текста о некоем событии.

Таким исключительным случаем является традиция о походе на восток шведского хёвдинга Ингвара во второй четверти XI в., закончившемся гибелью почти всех его участников. Сам факт похода засвидетельствован более чем 20 мемориальными руническими памятниками, в основном из Средней Швеции. Рассказы об этом походе легли в основу латиноязычного сочинения, созданного в Исландии, вероятно, в конце XII в., и в XIII в. оформились в виде «Саги об Ингваре Путешественнике» [33]. «Реальная» информация о нем в рунических текстах невелика: во главе войска стоял некто Ингвар, о родственных связях которого не сообщается. Его высокий социальный статус предполагается в силу его положения предводителя в войске, размеры которого (полагают, что в нем участвовало до 1000 человек) и компактность расположения памятников (вокруг оз. Меларен), вероятно, указывают на то, что оно было отправлено шведским конунгом Анундом-Якобом в помощь своему свояку Ярославу Мудрому. Цель похода обозначена лишь в одной из надписей стереотипной поэтической формулой – «они отважно уехали далеко за золотом», – которая приложима к любому военному предприятию эпохи викингов. Туманна и география похода: войско отправилось «на восток» и потерпело крах «на юге» в «Серкланде», т.е. «земле сарацин». Можно предполагать, что отряд нашел гибель где-то в Передней Азии.

Очевидно, что за этими надписями стоят рассказы немногих вернувшихся участников похода – отсюда географические ориентиры, пусть и самые общие, а также сообщения о смерти многих участников похода. Поход был широко известен: не случайно заказчик одного из памятников подчеркивает, что его погибший «на востоке» сын «не был человеком Ингвара», видимо, чтобы его не спутали с тезкой, участвовавшим в знаменитом походе. Таким образом, из, можно полагать, красочных и подробных, «героических», описаний при формировании исторической памяти о походе выделилось лишь несколько ключевых моментов: имя предводителя, направление и конечный пункт похода, гибель подавляющего большинства его участников.

За время, прошедшее до конца XII в., рассказы о походе переросли в более или менее устойчивое повествование, которое из локального, среднешведского, превратилось в общескандинавское и достигло Исландии. Существование развитой устной традиции засвидетельствовано в самой саге, где перечисляются ее многочисленные рассказчики. Одновременно повествование подверглось радикальным изменениям [34]. В первую очередь были переосмыслены цели похода: в условиях датских и шведских крестовых походов в Восточную Прибалтику военное предприятие было осмыслено как христианская миссия для обращения язычников, живших «по Восточному пути». Изменение основной мотивировки повлекло за собой включение ряда новых эпизодов, реинтерпретацию событий, перераспределение роли персонажей и появление новых. Другое направление модификаций было связано с созданием родословной Ингвара – «королевской» (по женской линии). Таким образом, на протяжении двух столетий историческая память о походе Ингвара была кардинально преобразована.

Трансформация сказания о походе Ингвара позволяет увидеть некоторые особенности устной исторической традиции и общие тенденции ее преобразования в письменную. Сюжет повествования формируется рядом мотивов [35, 36, с. 64–104]: основным, сюжетобразующим – «заморский поход скандинавского викинга» и большим числом дополнительных, окказиональных, которые развивают сюжет и наполняют его конкретным содержанием (ср. [37]). Сюжетобразующий мотив поддерживается ключевыми сведениями, к которым принадлежат имя героя, важнейшие обстоятельства события (поход «на восток», гибель почти всех участников похода), и сохраняет устойчивость на всем протяжении его бытования вплоть до его переработки в письменный текст. Мотивировки (например, цель похода) и детализирующие мотивы могут видоизменяться, включаться или, напротив, исключаться из повествования и осмысляться в соответствии с задачами, которые ставил перед собой автор письменного текста [ср. 38]. Более того, в ходе устной передачи сказание впитывало мотивы из общего повествовательного фонда, которые возникли, возможно, в рассказах о совершенно иных событиях, но в рамках того же сюжетобразующего мотива – рассказа о военном походе, или были традиционными фольклорными сюжетами (борьба с драконами и т.п.). Так, мотив об отравлении Ингвара и его воинов женщинами-язычицами, вполне вероятно, восходит к воспоминаниям о походах русов X в. в Прикаспий

[39], а описание меновой торговли с туземцами – к опыту торговли с жителями севера. Фольклорные мотивы осмыслились в саге как своего рода *exempla* и служили обличению смертных грехов – алчности, гордыни и др. История сложения, бытования и письменной фиксации сказания о походе Ингвара, таким образом, обнаруживает сложный механизм развития устной традиции и ее взаимодействия с письменной.

Выявление и исследование этих механизмов – важная исследовательская проблема сама по себе, но ее значение несравненно шире – прежде всего для реконструкции исторического прошлого. Широкое использование устных источников средневековыми хронистами, в том числе древнерусскими летописцами [40], ставит современного историка перед необходимостью выявить эти источники [41], определить причины их отбора, степень и формы их трансформации и, соответственно, степень достоверности излагаемых летописцем сведений, без чего невозможно восстановление ранней истории как Руси, так и других государств Европы.

Список литературы

- Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2003. 408 с.
- Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М.: Восточная литература, 2003. 397 с.
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2006. 763 с.
- Goffart W. *The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800)*. Notre Dame (Ind.): University of Notre Dame Press, 2005. 491 с.
- Снорри Стурлусон. *Круг Земной* // Изд. подг. А.Н. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. 685 с.
- Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях: Повесть временных лет и «Сага об Инглингах» // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 48–92.
- Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции и ее фиксация // *История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени* / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 180–222.
- Брагина Н.Г. *Память в языке и культуре*. М., Языки славянских культур, 2007. 514 с.
- Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. М.: Восточная литература, 2004. 374 с.
- Duby G. *French Genealogical Literature: the Eleventh and Twelfth Centuries* // Duby G. *The Chivalrous Society*. London: Edward Arnold, 1977. 248 с.
- Faulkes A. *Descent from the gods* // *Medieval Scandinavia*. 1978–1979. Vol. 11. P. 92–125.
- Vansina L. *Oral tradition as history*. London: Currey, 1985. 258 с.
- Гене Б. *История и историческая культура средневекового Запада*. М.: Языки славянской культуры, 2002. 494 с.
- Thurville-Petre J. *The Genealogist and History: Ari to Snorri* // *Saga-book of the Viking Society*. 1978–1981. Vol. XX. P. 7–23.
- Литовских Е.В. Генеалогические представления в средневековом исландском обществе (на материале «Саги о Ньяле»). Автореф. дис. ... к. ист. н. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2004. 24 с.
- Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е испр. и доп. / М.Б. Свердлов. СПб.: Наука, 1996. 667 с.
- Carruthers M. *The Book of Memory. A study of memory in medieval culture*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1990. 519 с.
- Reynolds S. *Medieval Origines Gentium and the community of the world* // *History*. 1983. Vol. 68. P. 373–390.
- Wolfram H. *Origo et religio*. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // *Early Medieval Europe*. 1994. Vol. 3 (1). P. 19–38.
- Finnegan R. *Oral poetry. Its nature, significance and social context*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1977. 299 с.
- Коновалова И.Г. Избирательность памяти: Рассказ мусульманских авторов «о принятии русами ислама» // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени*. М., 2003. С. 321–333.
- Горский А.А. События 1185 и 1380 гг.: восприятие современников и восприятие потомков // *Восточная Европа в древности и средневековье*. XII Чтения памяти В.Т. Пашуто: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 67–71.
- Literacy in traditional societies / Ed. J. Goody. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1968. 350 с.
- Stock B. *Implications of literacy. Written languages and models of interpretation in the eleventh and twelfth centuries*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 604 с.
- Parry M. *Studies in the epic technique of oral verse-making. I–II* // *Harvard Studies in Classic Philology*. 1930, 1932. Vol. XLI, XLIII.
- Lord A.B. *The singer of tales*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1960. 309 с.
- Лорд А.Б. *Сказитель* / Пер. на руск. яз. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. Отв. ред. Б.Н. Путилов. М.: Восточная литература, 1994. 368 с.

28. Lord A.V. *Epic singers and oral tradition*. Ithaca, London: Cornell University Press, 1991. 262 с.
29. Geary P.J. *Phantoms of remembrance: memory and oblivion at the end of the first millennium*. Princeton: Princeton University Press, 1994. 248 с.
30. Снорри Стурлусон. *Младшая Эдда* / Изд. подгот. О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука, 1970. 137 с.
31. Richter M. *The oral tradition in the Early Middle Ages*. Turnhout: Brepols, 1994. 76 с.
32. *Oral tradition and literacy: Changing visions of the world* / Ed. R.A. Whitaker, E.R. Sienaert. Durban: Natal University Oral Documentation & Research Centre, 1986. 302 с.
33. Глазырина Г.В. *Saga об Ингваре Путешественнике*. М.: Восточная литература, 2002. 463 с.
34. Глазырина Г.В. Трансформация исторических свидетельств в устной традиции и при записи текста (на материале древнеисландской «Саги об Ингваре Путешественнике») // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2003. С. 28–47.
35. *Structural analysis of oral tradition* / Ed. P. Maranda, E. Kongas. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971. 324 с.
36. Щавелев А.С. *Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян*. М.: Северный паломник, 2007. 271 с.
37. *Patterns in oral literature* / H. Jason, D. Segal. The Hague; Chicago; Mouton: Aldine, 1977. 325 с.
38. *Vox intexta: Orality and textuality in the Middle Ages* / Ed. A.N. Doane and C. Braun Pasternack. Madison: University of Wisconsin Press, 1991. 289 с.
39. Глазырина Г.В. *Формирование устной традиции: Сюжет о походе русов на Берда'а в восточных памятниках и рассказ «Саги об Ингваре» о гибели скандинавов на Востоке* // *Восточная Европа в древности и средневековье*. XII Чтения памяти В.Т. Пашуто: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 155–165.
40. Мельникова Е.А. *Устная традиция в Повести временных лет: К вопросу о типах устных преданий* // *Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто*. М., 1999. С. 153–165.
41. Щавелев А.С. *Критерии выявления устных источников раннеисторических описаний («Повесть временных лет», хроники Козьмы Пращского и Галла Анонима)* // *Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения*. XVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто; IV Чтения памяти д.и.н. А.А. Зимина. М.: Институт всеобщей истории РАН. М., 2005. Ч. I. С. 160–164.

TRANSFORMATION OF HISTORICAL MEMORY: FROM ORAL TO WRITTEN HISTORICAL TRADITION

E.A. Melnikova

Historical memory is a key phenomenon that determined the way how the oral historical tradition was formed and existed in preliterate societies. Transition to a written culture, in the framework of which the first early historical descriptions were produced, was accompanied by a radical rethinking and transformation of the oral tradition. To reconstruct the history of the European peoples during the preliterate times, including ancient Rus, it is vitally important to identify the mechanisms of turning the oral tradition into a written historiographic text.

Keywords: historical memory, oral tradition, written text, early historiography.

References

1. *Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala novogo vremeni* / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Institut vseobshchej istorii RAN, 2003. 408 s.
2. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2001 god: Istoricheskaya pamyat' i formy ee voploshcheniya*. M.: Vostochnaya literatura, 2003. 397 s.
3. *Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug, 2006. 763 s.
4. Goffart W. *The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800)*. Notre Dame (Ind.): University of Notre Dame Press, 2005. 491 s.
5. Снорри Стурлусон. *Krug Zemnoj* // Изд. подг. А.Н. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. 685 с.
6. Мельникова Е.А. *Istoricheskaya pamyat' v ustnoj i pis'mennoj tradicijah: Povest' vremennyh let i «Saga ob Inglingah»* // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2001 god: Istoricheskaya pamyat' i formy ee voploshcheniya*. M., 2003. S. 48–92.
7. Мельникова Е.А. *Istoricheskaya pamyat' v germanskoj ustnoj tradicii i ee fiksaciya* // *Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* / Pod red. L.P. Repinoj. M., 2006. S. 180–222.
8. Bragina N.G. *Pamyat' v yazyke i kul'ture*. M., Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 514 s.
9. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2002 god: Genealogiya kak forma istoricheskoy pamyati*. M.: Vostochnaya literatura, 2004. 374 s.
10. Duby G. *French Genealogical Literature: the Eleventh and Twelfth Centuries* // Duby G. *The Chivalrous Society*. London: Edward Arnold, 1977. 248 с.
11. Faulkes A. *Descent from the gods* // *Medieval Scandinavia. 1978–1979*. Vol. 11. P. 92–125.
12. Vansina L. *Oral tradition as history*. London: Currey, 1985. 258 с.

13. Gene B. *Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada*. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 494 s.
14. Thurville-Petre J. *The Genealogist and History: Ari to Snorri // Saga-book of the Viking Society*. 1978–1981. Vol. XX. P. 7–23.
15. Litovskih E.V. *Genealogicheskie predstavleniya v srednevekovom islandskom obshchestve (na materiale «Sagi o N'yale»)*. Avtoref. dis. ... k. ist. n. M.: Institut vseobshchej istorii RAN, 2004. 24 s.
16. *Povest' vremennyh let / Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihacheva*. Pod red. V.P. Adrianovoj-Peretc. Izd. 2-e ispr. i dop. / M.B. Sverdlov. SPb.: Nauka, 1996. 667 s.
17. Carruthers M. *The Book of Memory. A study of memory in medieval culture*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1990. 519 s.
18. Reynolds S. *Medieval Origines Gentium and the community of the world // History*. 1983. Vol. 68. P. 373–390.
19. Wolfram H. *Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // Early Medieval Europe*. 1994. Vol. 3 (1). P. 19–38.
20. Finnegan R. *Oral poetry. Its nature, significance and social context*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1977. 299 s.
21. Konovalova I.G. *Izbitatel'nost' pamyati: Rasskaz musul'manskih avtorov «o prinyatii rusami islama» // Obrazy proshlogo i kollektivnaya iden-tichnost' v Evrope do nachala novogo vremeni*. M., 2003. S. 321–333.
22. Gorskij A.A. *Sobytiya 1185 i 1380 gg.: vospriyatie sovremennikov i vospriyatie potomkov // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XII Chteniya pamyati V.T. Pashuto: Istoricheskaya pamyat' i formy ee voploshcheniya*. M., 2000. S. 67–71.
23. *Literacy in traditional societies / Ed. J. Goody*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1968. 350 c.
24. Stock B. *Implications of literacy. Written languages and models of interpretation in the eleventh and twelfth centuries*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 604 c.
25. Parry M. *Studies in the epic technique of oral verse-making. I–II // Harvard Studies in Classic Philology*. 1930, 1932. Vol. XLI, XLIII.
26. Lord A.B. *The singer of tales*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1960. 309 c.
27. Lord A.B. *Skazitel' / Per. na rusk. yaz. i komment. Yu.A. Klejnera i G.A. Levintona*. Otv. red. B.N. Putilov. M.: Vostochnaya literatura, 1994. 368 c.
28. Lord A.B. *Epic singers and oral tradition*. Ithaca, London: Cornell University Press, 1991. 262 c.
29. Geary P.J. *Phantoms of remembrance: memory and oblivion at the end of the first millennium*. Princeton: Princeton University Press, 1994. 248 c.
30. Snorri Sturluson. *Mladshaya Ehdda / Izd. podgot. O.A. Smirnitskaya i M.I. Steblin-Kamenskij*. L.: Nauka, 1970. 137 s.
31. Richter M. *The oral tradition in the Early Middle Ages*. Turnhout: Brepols, 1994. 76 s.
32. *Oral tradition and literacy: Changing visions of the world / Ed. R.A. Whitaker, E.R. Sienaert*. Durban: Natal University Oral Documentation & Research Centre, 1986. 302 s.
33. Glazyrina G.V. *Saga ob Ingvare Puteshestvennike*. M.: Vostochnaya literatura, 2002. 463 s.
34. Glazyrina G.V. *Transformaciya istoricheskikh svidel'tstv v ustnoj tradicii i pri zapisi teksta (na materiale drevneislandskoj «Sagi ob Ingvare Puteshestvennike»)* // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 2003. S. 28–47.
35. *Structural analysis of oral tradition / Ed. P. Maranda, E. Kongas*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971. 324 s.
36. Shchhavelev A.S. *Slavyanskije legendy o pervyh knyaz'yah. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie modelej vlasti u slavyan*. M.: Severnyj palomnik, 2007. 271 s.
37. *Patterns in oral literature / H. Jason, D. Segal*. The Hague; Chicago; Mouton: Aldine, 1977. 325 s.
38. *Vox intexta: Orality and textuality in the Middle Ages / Ed. A.N. Doane and C. Braun Pasternack*. Madison: University of Wisconsin Press, 1991. 289 c.
39. Glazyrina G.V. *Formirovanie ustnoj tradicii: Syuzhet o pohode rusov na Berda'a v vostochnyh pamyatnikah i rasskaz «Sagi ob Ingvare» o gibeli skandinavov na Vostoke // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XII Chteniya pamyati V.T. Pashuto: Istoricheskaya pamyat' i formy ee voploshcheniya*. M., 2000. S. 155–165.
40. Mel'nikova E.A. *Ustnaya tradiciya v Povesti vremennyh let: K voprosu o tipah ustnyh predanij // Vostochnaya Evropa v istoricheskoy retrospektive. K 80-letiyu V.T. Pashuto*. M., 1999. S. 153–165.
41. Shchhavelev A.S. *Kriterii vyyavleniya ustnyh istochnikov ranneistoricheskikh opisaniy («Povest' vremennyh let», hroniki Koz'my Prazhskogo i Galla Anonima) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Problemy istochnikovedeniya. XVII Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto; IV Chteniya pamyati d.i.n. A.A. Zimina*. M.: Institut vseobshchej istorii RAN. M., 2005. Ch. I. S. 160–164.